

А.М. ФИЛИТОВ

НОВОЕ ИЗДАНИЕ ПО СИСТЕМНОЙ ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В последние годы в мировой историографии международных отношений наметилась тенденция к синтезу различных объектов и методик исследования. Если ранее дипломатическая история, история массовых движений и идеологий, массового сознания и "образов других" (имажинология), история мировой науки и техники развивались в значительной степени независимо друг от друга, либо даже в конкурентной борьбе за "первенство", то ныне все более пробивает себе дорогу сбалансированный подход, заключающийся в том, что исследователь не должен ограничивать себя каким-то одним из этих тематических комплексов, а рассматривать таковые вместе, в их сложном и неоднозначном взаимодействии. Именно в духе этого нового подхода в ФРГ с конца 90-х годов под руководством Г. Духхардта и Ф. Книппинга осуществляется проект многотомного "Учебника истории международных отношений" (*Handbuch der Geschichte der Internationalen Beziehungen*), в основу которого положен принцип единства социально-экономического, геополитического и идейно-психологического измерений внешнеполитических реалий¹, а другая группа немецких ученых (В. Лот, А. Деринг-Мантейфель, Й. Дюльфер, Ю. Остерхаммель и др.) ввела в оборот даже специальный термин для нового "синтетического" направления: "международная история" (*Internationale Geschichte*), представив солидный сборник статей, в которой нашли отражение их методологические поиски².

Рассматриваемое отечественное издание свидетельствует, что и российские международники не остались в стороне от этой тенденции мировой науки. Более того: можно констатировать, что группа ученых из различных учебных и научных учреждений РФ под руководством А.Д. Богатурова взялась за задачу, даже более трудную и ответственную, нежели их немецкие коллеги: они занялись сразу историей XX в., без подготовительной работы по изучению предшествующих эпох, и не в формате отдельных статей или очерков (как это имело место в сборнике В. Лота – Ю. Остерхаммеля, в центре которого также события и проблемы минувшего столетия), а в виде единого комплексного труда, притом объединяющего документальную и исследова-

---

Филитов Алексей Митрофанович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИВИ РАН.

Системная история международных отношений в четырех томах. События и документы. 1918–2003, т. 1: События 1918–1945, 516 с.; т. 2: Документы 1910–1940-х годов, 243 с.; т. 3: События 1945–2003, 718 с.; т. 4: Документы 1945–2003, 598 с. Под ред. А.Д. Богатурова. М., 2003. Коллектив авторов издания: В.И. Батюк, З.С. Белоусова, А.Д. Богатуров, Т.В. Бордачев, А.Д. Воскресенский, Е.Г. Капустин, В.Б. Княжинский, В.Г. Коргун, С.И. Лунев, Б.Ф. Мартынов, Д.Г. Наджафов, А.И. Остапенко, К.В. Плешаков, Д.В. Поликанов, В.П. Сафронов, Е.Ю. Сергеев, П.Е. Смирнов, Ар.А. Улунян, А.С. Ходнев, М.А. Хрусталёв, Т.А. Шаклина, А.А. Язькова.

¹ В настоящее время в рамках этого проекта вышли два тома, в которых освещены отдельные периоды XVIII и XIX вв. См. *Duchhard H.*, Balance of Power und Pentarchie. Internationale Beziehungen 1700–1785 (Band 4). Paderborn, 1997; *Baumgart W.* Europäische Konzert und nationale Bewegung. Internationale Beziehungen 1830–1878, Paderborn, 1999 (Bd. 6). Рецензию Ю.Е. Ивонина на первый из названных томов см.: Новая и новейшая история. 2000, № 6, с. 199–202.

² Internationale Geschichte. Hrsg. W. Loth, J. Osterhammel. Themen-Ergebnisse-Aussichten. München, 2000.

тельскую составляющие. Сами они определяют специфику своего проекта менее претенциозно, чем их зарубежные коллеги, но, пожалуй точнее: речь не идет о какой-то новой дисциплине, а о традиционной истории международных отношений, но воплощающей системный подход к ней, причем не декларативно (что имело место в прошлом), а в реальности.

Концептуальная новизна труда очевидна уже в выборе ключевых дат и событий для начала изложения в каждом из исследовательских томов – первом и третьем. Если в прошлом за точку отсчета при написании работ по истории международных отношений XX в. принимались обычно 1917 год, Октябрьская революция в России и формирование "ленинских принципов" советской внешней политики, то в названии рецензируемого четырехтомника указан год 1918, год окончания первой мировой войны и начала выработки Версальско-Вашингтонской системы. Если в изданиях, посвященных периоду после второй мировой войны, изложение, как правило, начиналось с конференций в Ялте и Потсдаме, либо с событий в Восточной Европе, которые определялись как начало формирования "мировой системы социализма", то первый параграф первой главы третьего тома посвящен созданию "основ мироэкономического регулирования на завершающем этапе второй мировой войны", а конкретно – решениям Бреттон-Вудской конференции (1–23 июля 1944 г.)³. Налицо попытка исследовать историю современных международных отношений не в контексте конфронтации двух систем и поисков доказательств преимуществ одной из них – той, что называлась "социалистической", а на основе признания принципиальной общности истории человеческого общества и его прогрессирующей интеграции на основе прежде всего модели "мироэкономического регулирования", о которой речь идет в начале тома.

Впрочем, оправданный акцент на экономических реалиях мировой системы отнюдь не затмевает для авторов других факторов – военных, идеологических, национальных, которые в своей совокупности определяют итоги истории XX в. и тенденции современного мира. В этом смысле логично, что в заключительном разделе четырехтомника ("Глобализация") содержательно освещаются такие разноплановые, но равно имеющие глубокие исторические корни проблемы, как "укрепление механизмов неформального регулирования международных отношений", "гуманитарная интервенция", интеграционные тенденции в Европе, СНГ и Америке, обострение национальных и религиозных конфликтов и в этой связи – "возникновение транснациональной угрозы терроризма", а также ряд других.

Уже из приведенного перечня проблем видно, что авторы отнюдь не идеализируют современный мир и его тенденции, а соответственно и тот исторический фон, на котором они складывались. Век торжества "общечеловеческих ценностей" еще не настал – этот "мессидж" труда не следует рассматривать как выражение исторического пессимизма, а как полезное противоядие против бездумных иллюзий и преждевременного самоуспокоения. Характеризуя ситуацию в мире на конец XX в., авторы отмечают: «Новое состояние международной системы, усиление тенденций к ее централизации и унификации в соответствии с представлениями и устремлениями группы "восьми", в которой голос России звучал еще слабо, благоприятствовали росту наступательного запала во внешней политике стран Запада» (т. 3, с. 586). Справедливо отмечен парадоксальный феномен, противоречащий представлениям о неизбежности заимствования всеми странами модели западной демократии: "Разрушение тоталитарных обществ в большинстве случаев (выделено нами. – А.Ф.) дало не прирост демократических мотиваций, а обнажение традиционных, архаичных и анти-цивилизационных

³ Эта конференция и ее решения зачастую не удостоивались даже упоминания и в очень солидных трудах по истории международных отношений, в том числе и западных. См., например: *Wheeler-Bennet J.W., Nicholls A. The Semblance of Peace. The Political Settlement after the Second World War.* London, 1972. См. о ней: *Будс Р.Б.* Бреттон-Вудская конференция объединенных наций 1944 г. – Новая и новейшая история, 1992, № 2, с. 31–50.

(выделено в тексте. – А.Ф.) структур в поведении и мышлении людей, государств и народов" (там же, с. 641).

Хотелось бы отметить похвальное стремление авторского коллектива к широким обобщениям, их попытки создать новый понятийный аппарат, соответствующий современным реалиям. Характерно в этом смысле следующее высказывание в заключительном разделе труда: «Глобализация способствовала перерастанию традиционных *международных отношений в мировую политику, которая представляет собой обрамляющую сферу взаимодействия между традиционными (государства) и новыми (транснациональные группы и корпорации, индивиды, движения, международные и общественные организации и т.п.) субъектами международного общения по поводу как их собственного поведения в отношении друг друга, так и собственных внутренних проблем и ситуаций.* Мировая политика представляла собой новую форму развития международных отношений в условиях "однополярного" мира» (там же, с. 585). Авторы считают даже, что эти отношения "нового типа" было бы "уместно называть мирополитическими, а не международными".

Разумеется, здесь есть почва для серьезной дискуссии. Далеко не бесспорна дефиниция "мировой политики"; если подходить к ней формально, то в ней на одну доску ставятся и отношения между собой держав "восьмерки" и, положим, отношения "индивидов" в рамках какой-нибудь туристской группы, особенно когда возникает конфликт с "корпорацией", т.е. туристской фирмой; разумеется, такой "уравнительный подход" вряд ли имелся в виду, однако вопрос о критериях ранжировки указанных "субъектов международного общения" остается не вполне ясным. Вряд ли за основу представлений о иерархии факторов, действующих в современной международной (или "мирополитической", если принять термин авторов) системе можно принять понятие "однополярности", понимаемой как гегемония США. Во-первых, если выводить ситуацию американского лидерства из факта относительной слабости других государств (в частности, России, но и не только ее), то разумно предположить, что речь идет о явлении временном, преходящем, и следовательно, не обеспечивающем постулированной "устойчивости существующего международного порядка". Во-вторых, если отмечается (там же, с. 641), что "главенствование" США "не признается одними (КНР) и оспаривается другими (Россия) важнейшими игроками международной политики" (кстати, разница между позициями КНР и РФ не столь ясна, и возникает вопрос, есть ли она вообще?), то это тем более не говорит в пользу тезиса об устойчивости "однополярного мира". Наконец, в-третьих, сами авторы говорят о "наличии в мире своеобразного группового лидерства" (там же). Так как же это сочетается с идеей "однополярности"?

Неясность отражается и в структуре труда: глава 11 третьего тома носит заголовок "Распад ялтинско-потсдамского порядка (1986–1991)", а 12 – "Распад биполярной структуры (1991–1996)". Поскольку наиболее характерной чертой ялтинско-потсдамской структуры как раз и была биполярность, то непонятно, в чем же видятся отличия обоих периодов. Для второго из них, в котором явно преобладали деструктивные моменты, скорее подошло бы название "На развалинах биполярного мира" или что-нибудь в этом духе.

Стремление авторов к широким обобщениям, методологическим (и терминологическим) новациям не превращает их труд в набор сухих формул и абстрактных рассуждений. Напротив, насыщенность фактическим материалом – одна из ярких черт рецензируемого издания. Порой изложение даже производит впечатление простой хроники, в которой соседствуют рядом события на разных континентах, разной политической значимости и, казалось бы, не имеющих друг с другом ничего общего. Может действительно показаться несколько необычным, что вслед за характеристикой "второго берлинского кризиса" (1961 г.) следуют параграфы о возникновении Движения неприсоединения, советско-албанском конфликте и становлении "двух подходов к европейской интеграции" (т. 3, с. 263–266). Между тем, с точки зрения рецензента, такая последовательность в изложении отражает глубинную причинно-следственную связь: сам берлинский кризис был в значительной степени порождением конфликтной

ситуации в "социалистическом лагере" ("албанский вопрос" был в этом отношении одним из симптомов, и характерно, что он занял едва ли не основное место на конференции государств-членов Варшавского Договора 3–5 июля 1961 г., официальной темой которой был германский вопрос⁴); страны – участники Движения неприсоединения сыграли немалую роль в том, что берлинский кризис не вылился в нечто более серьезное, чем строительство "берлинской стены", а достаточно вялая реакция западных лидеров на эту акцию в немалой мере объяснялась тем, что они были заняты более существенным с их точки зрения вопросом – о расширении за счет Великобритании "Общего рынка" – предшественника нынешнего "Европейского союза". Кстати сказать, история европейской интеграции – одна из тех тем, которые наиболее полно и увлекательно раскрыты в книге.

Вообще говоря, даже искушенный читатель, профессионально занимающийся международными сюжетами, найдет в рассматриваемом издании для себя немало нового, стимулирующего плодотворные размышления и порой даже неожиданные гипотезы. Репортажи, например, об арабо-израильском конфликте обычно дают упрощенную черно-белую картину происходящего, а вот раздел 1 главы 8-й ("Становление ближневосточной подсистемы международных отношений") и параграф "Обострение палестинской проблемы" в главе 13-й, где дано сжатое, но достаточно адекватное и сбалансированное описание ситуации 20–30-х годов (т. 1, с. 192–205, 343–346), вносят в эту картину необходимое многоцветие и – что самое главное – позволяют сделать объективные и самостоятельные выводы об аргументах противоборствующих сторон как в прошлом, так и в настоящем.

От предшествующих работ отечественных международников рассматриваемое издание отличает еще одна черта: подчеркнутое внимание к событиям в тех регионах, которые в то или иное время входили в состав СССР и ныне обычно характеризуются как "ближнее зарубежье". Мы знали понятия "гражданская война и иностранная интервенция", но что мы знали о внешнеполитических планах "белого движения", об отношениях между его лидерами и властями Грузии или Украины? Об отношениях этих последних с Польшей? О конфликтах в Прибалтике, никак не связанных с "кознями Коминтерна" или "советскими интригами"? О серии бушевавших в 1918–1920 гг. войн между приобретшей суверенитет и независимость Арменией и ее соседями – Грузией, Азербайджаном, Турцией? Ничего, или очень мало, по крайней мере, за пределами узкой группы экспертов. Глава 4-я первого тома, посвященная этим сюжетам, очень содержательна.

Следует особо отметить, что в издании выдержан, пожалуй, оптимальный баланс между разными поколениями авторов: представлены и "ветераны" и, условно говоря, "средняя когорта" (она самая большая), и молодые ученые.

В самом начале мы отмечали, что авторский коллектив сумел отойти от традиционной для отечественной литературы "привязки" фактов и закономерностей истории международных отношений к соответствующим феноменам истории советской внешней политики. Это, однако, не привело к какому-либо принижению или нигилистическому отрицанию исторического опыта нашей страны, накопленного за минувшее столетие. Авторы удачно избегли крайностей как апологетики, так и огульной критики советских внешнеполитических реалий и роли, которую СССР сыграл в мировом сообществе. Рассматривая большевизм как феномен, отражающий общемировую тенденцию к идеологизации международных отношений после первой мировой войны, как "левореволюционную версию антилиберальной идеологии", они в то же время отмечают, что "в начале 20-х годов во внешнеполитических концепциях большевиков стали происходить перемены": советское руководство "начало разрабатывать новую теоретическую платформу, которая позволяла бы совместить революционность в

---

⁴ См. подробнее: Как принималось решение о возведении берлинской стены. Публикация Б. Бонвеча и А.М. Филитова. – Новая и новейшая история, 1999, № 2.

идеологии с необходимостью нормализовать отношения с внешним миром"; констатируется, что «такой платформой стала "концепция мирного сосуществования стран с различным политическим строем", надолго заложившая логико-понятийные и политико-философские рамки внешней политики СССР» (т. 1, с. 156–157). Справедливо указывается на неоднозначность и противоречивость этой концепции. Кое с чем в характеристике этого понятия можно поспорить, однако важно то, что она подается как сравнительно ранний феномен советской доктрины и политики, во всяком случае не как нечто, связанное исключительно с Хрущёвым и его новациями 50 – начала 60-х годов (такая точка зрения широко распространена на Западе).

В отечественной литературе в последние годы специалистами по истории Восточной и Юго-Восточной Европы высказываются различные точки зрения относительно планов советского руководства в отношении стран этого региона. Одни историки считают, что Сталин поначалу не преследовал целей установления тотального контроля над этими странами и их унификации по советской модели – они появились лишь в ходе развивавшейся конфронтации с Западом, под влиянием императивов "холодной войны". Другие историки не согласны с такой трактовкой. Позиция авторов в этой "контровесе" выражена четко: "На заключительном этапе войны и в первые послевоенные годы (примерно до середины 1947 г.), советское руководство не ставило цели формирования в восточноевропейских странах однопартийных режимов... Москва терпимо относилась к некоммунистическим умеренным партиям и поощряла создание коалиций и объединение партий и движений в народные (национальные, демократические, отечественные и т.д.) фронты, стоявшие на демократических позициях... Относительно мягкий курс СССР до 1947 г. диктовался необходимостью сотрудничества с западными союзниками в обустройстве Европы. Москва противодействовала попыткам антикоммунистических сил прорваться к власти. Но советские руководители сдерживали стремление местных компартий к монопольному захвату власти и ускорению антикапиталистических преобразований" (т. 3, с. 49).

В пользу этой концепции авторы приводят немало оригинальных соображений, в том числе и в плане социально-психологического анализа массовых настроений. "В восприятии восточноевропейцев известные им виды политического устройства были дискредитированы, а понятные и привлекательные образцы правления, к созданию которых стоило бы стремиться, отсутствовали... Советский опыт не казался жителям Восточной Европы идеальным. Но он производил впечатление. О сталинских репрессиях 30-х годов знали мало, и советский режим казался лучше фашистского: по крайней мере, он ориентировался на вовлечение граждан в государственную систему – в отличие от нацизма, который строился на дискриминации и исключении из общества то одной, то другой категории граждан. СССР не был знаменем светлого будущего, но он казался символом ухода от кошмарного прошлого... Настроения против местных коллаборационистов... были сильнее опасений в отношении коммунистов" (т. 3, с. 64). Интересен несколько парадоксальный вывод авторов: оппозиция "советскому присутствию и натиску левых" сильнее всего проявлялась на территориях, вошедших в 1939–1940 гг. в состав СССР – в Прибалтике и Западной Украине, а не в странах "народной демократии" (там же).

Авторы не склонны безоговорочно "осудить" советское руководство за отказ от участия в "плане Маршалла"; они обоснованно отмечают, что этот план, основанный на "неформальном американском лидерстве", был "неприемлем для СССР", поскольку «ограничивал его самостоятельность и "уводил" бы от него новых союзников в Восточной Европе» (с. 77). Можно было бы добавить, что в условиях развертывавшейся "холодной войны" и при отсутствии у СССР сил ядерного сдерживания наличие на территории Европы стратегического предполья, которое и обеспечивали "новые союзники" – страны народной демократии, было для него императивом с точки зрения государственных интересов.

Однако авторам никак нельзя предъявить обвинение в попытке как-то смягчить исторический приговор сталинизму и вообще режиму однопартийной диктатуры в

СССР. Отмечая связь между внутривосточной ситуацией в СССР конца 40-х – начала 50-х годов и его позициями на международной арене, они пишут: «Репрессии в СССР и странах Восточной Европы негативно сказывались на репутации Советского Союза, подтверждая худшие опасения на Западе по поводу сущности режимов социалистических стран... Симпатии к СССР к концу 40-х годов были замещены негативным стереотипом, в соответствии с которым Советский Союз представлялся "необъяснимо агрессивным", сильным и опасным государством. Вести речь о партнерстве с такой страной на Западе было опасно для репутации всякого, кто бы посмел высказать такую мысль. Нормой западного общественного мнения стало боязливо-подозрительное отношение и одновременно отстраненно-насмешливое отношение к происходящему в СССР и предложениям советских лидеров» (т. 3, с. 98).

Сбалансированно представлены в работе и события послесталинской эры. В общем, проводится здравая идея, что как "разрядочные", так и "антиразрядочные" тенденции были "лицей с двусторонним движением" – не только Восток, но и Запад внес сюда свою лепту. Стратегия "гибкого реагирования", которую у нас связывали исключительно с политикой США, по мнению авторов, была взята на вооружение и советской стороной, благодаря чему уменьшилась угроза прямого столкновения СССР и США, но зато стала расти нестабильность и "конфликты малой интенсивности" в странах мировой периферии. "Это была рациональная, но эгоистичная политика" (т. 3, с. 328), – констатируют авторы, тем самым несколько приглушая те дифирамбы, которые обычно адресовались Хрущёву и Брежневу у нас, или Кеннеди и Никсону на Западе.

Возможно, несколько легковесными по сравнению с предыдущими разделами и главами покажутся те, что посвящены концу "холодной войны". Несколько преувеличено, по мнению рецензента, влияние на общественное мнение США (и особенно СССР), равно как и на политическую ситуацию в обеих странах снятого в 1983 г. фильма "На другой день", где показана ужасающая реальность ядерной войны (т. 3, с. 463). Такие фильмы появлялись и раньше ("На последнем берегу", "Доктор Стрейнджлав"), но на "рост миролюбивых настроений американцев" они не очень повлияли. Вместе с тем повторим: внимание к феномену общественного мнения, "политико-психологическим" факторам в мировой политике само себе можно всячески приветствовать.

Особо следует остановиться на документальных томах издания (втором и четвертом), составленных А.М. Мальгиным и А.А. Соколовым. Подбор источников осуществлен квалифицированно и существенно обогащает издание. Учитывая, что документы, как правило, приводятся в извлечениях, неплохо было бы снабдить их указаниями на источник их первой (или наиболее доступной) публикации. Читатель, таким образом, получил бы возможность при желании ознакомиться с текстом документа в полном виде.

Разумеется, в столь масштабном исследовании неизбежны некоторые недочеты в изложении отдельных фактов и событий. Несколько странно доказывается тезис о "негативных последствиях" Рапалльского договора: "Он положил начало советско-германскому сотрудничеству на антиверсальской основе. Экономические, военно-технические, культурные связи Советской России и Германии стали быстро развиваться" (т. 1, с. 162). В чем же здесь, спрашивается, "негатив"? Версальский договор считался несправедливым не только в СССР и в Германии, но многими в стане победителей. Укажем еще на некоторые не вполне корректные суждения: "длинная телеграмма" Кеннана от 22 февраля 1946 г.⁵ и его статья в "Форин афферс" за подписью "Икс" (июль 1947 г.)⁶ – это все же разные документы, хотя и близкие по содержанию, но не идентичные, как это следует из текста (т. 3, с. 40). По утверждению авторов, Совет министров иностранных дел четырех великих держав (СМИД) имел своей задачей "решать текущие вопросы управления оккупированной Германией" (с. 34). Это неточ-

⁵ Foreign Relations of the United States. 1946, v. VI, p. 696–706.

⁶ "X". The Sources of Soviet Conduct. – Foreign Affairs, v. 25 (July 1947), p. 566–582. См. также: Мальков В.Л. Путь к имперству: Америка в первой половине XX века. М., 2004, с. 557.

но: такая задача была возложена на Союзный Контрольный Совет, а СМВД должен был подготовить мирные договоры с сателлитами Германии (что и было сделано), а затем и с самой Германией (в чем он не преуспел). Дипломатические отношения между СССР и ГДР были установлены не в 1954, а в 1949 г., основная часть немецких военнопленных была репатрирована из СССР еще до 1950 г., а в 1955 г. были освобождены лица, отбывавшие наказания по приговорам советских судов; В. Халыптейн был не министром иностранных дел ФРГ, а статс-секретарем, т.е. по нашей терминологии – заместителем министра (т. 3, с. 204); в 1958 г. бундестаг ФРГ ратифицировал соглашение об атомном вооружении бундесвера, а вовсе не о размещении американских ядерных зарядов: таковые американцы размещали без всякого согласия западных немцев и не запрашивали такого согласия (с. 232); "берлинская стена" даже чисто технически никак не могла быть возведена "за одну ночь" 13 августа 1961 г., к тому же она была не кирпичной, а бетонной (с. 264); в 1968 г. бундестаг не вводил "чрезвычайное положение", а принял серию законов о порядке введения такового (с. 311); Ульбрихт, будучи удаленным с руководящих постов в партии и государстве, тем не менее формально сохранил пост председателя Госсовета ГДР вплоть до своей кончины (ср. с. 344).

Нетрудно заметить: большинство замечаний относится к сюжетам германской истории. Это неслучайно: в составе авторского коллектива не оказалось ни одного германиста. Вероятно, это отражает и не вполне благополучное состояние отечественной германистики, но это тема особого разговора.

В целом российский читатель получил энциклопедическое, новаторское исследование актуального и далеко не исследованного круга проблем. В предисловии, написанном руководителем проекта – А.Д. Богатуровым, отмечается, что с размещенной в Интернете версией четырехтомника уже ознакомились свыше 100 тыс. пользователей; надо думать, что число читателей книжного варианта окажется еще больше.